

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЫМСКОТАТАРСКИХ УЕЗДНЫХ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСТВА ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье впервые рассматривается деятельность уездных предводителей дворянства Таврической губернии в сфере образования культуры и социальной жизни крымских татар.

Ключевые слова: предводители дворянства, крымские татары, Таврическая губерния, мурза.

У статті вперше розглядається діяльність повітових проводирів дворян Таврійської губернії в сфері освіти, культури й соціального життя кримських татар.

Ключові слова: проводирів дворян, кримські татари, Таврійська губернія, мурза.

The article deals with the activity of the nobility leaders in Tavric government in the sphere of education, culture, social life of the Crimean Tatars.

Key words: the leaders of the nobility, Crimean Tatars, Tavric government, murza.

Постановка проблемы. На протяжении долгих лет предводители дворянства оставались историческим фактом русской жизни, а после аннексии Крыма Россией в 1783 г. и с формированием крымскотатарского дворянского сословия стали значительным фактом и в истории крымских татар. Предводители дворянства являлись одним из важнейших политических, социально-культурных институтов дворянской сословной организации и потому заслуживают серьезного исследования.

Анализ литературы. Данная проблема, к сожалению, не достаточно изучена и список научных исследований весьма ограничен. Значение деятельности предводителей дворянства и дворянских сословных организаций в Российском государстве нашло отражение в монографии А. П. Корелина «Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация». Наиболее обстоятельное исследование о жизни и деятельности Таврических губернских предводителей дворянства представляет работа С. П. Сухомлиной «Предводители дворянства Таврической губернии», в которой широко использованы неизвестные архивные документы.

Цель статьи – рассмотреть активную общественную деятельность крымскотатарских предводителей дворянства в Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв., на имеющихся в нашем распоряжении материалах.

Изложение основного материала. Институт уездных предводителей дворянства был учрежден манифестом Екатерины II от 14 декабря 1766 г. для решения вполне конкретной задачи – организации выборов депутатов в комиссию для составления проекта нового Уложения. Сами выборы стали событием в провинциальной жизни,

дважды, в 1768 и 1771 годах, выборы возобновлялись, после чего стали регулярными. В «жалованной грамоте дворянству» 1785 г., окончательно оформившей структуру дворянского самоуправления, предполагалось раз в три года наряду с уездными избирать губернских предводителей. Предводители дворянства, получившие титул «почтенный», должны были стать не просто выборными чиновниками, но посредниками между «обществом» и властью [1].

Обязанности губернских и уездных предводителей образовывались и возрастали постепенно – исчезали одни и появлялись новые. Но, тем не менее, можно выделить три направления в их деятельности.

Первое (и долгое время главное) – участие в местном управлении. В Таврической губернии, где дефицит чиновников всегда был значительным, деятельность дворянских предводителей была особенно заметной. Как и другие чиновники, предводители дворянства ежегодно подавали отчет о количестве решенных и нерешенных дел. Другая сфера деятельности предводителей дворянства – сословные дела и важнейшее из них – ведение родословной книг. Решение о составлении новой родословной книги было принято в 1761 году. Верховная власть после долгих колебаний решила доверить важное дело учета местным дворянским организациям [1].

В Таврической губернии ситуация с составлением родословных книг была осложнена неопределенным статусом татарских и греческих дворян. Верховная власть то принимала их сословие скопом, то требовала непременно письменных доказательств, то отдавала решение этого вопроса специально составленной комиссии, но все равно бесконечно долго тянула с окончательным утверждением.

Организация дворянских выборов была еще одной важной стороной предводительской деятельности. Составлением и проверкой списков, имеющих право на участие в выборах, занимались уездные предводители. Губернский предводитель координировал организацию дворянских съездов, а во второй половине XIX – начале XX вв. готовил материалы, которые съезд впоследствии рассматривал [1].

Третьей важной стороной губернских предводителей дворянства, было участие в общественных мероприятиях и программах. Представляя местное дворянство в общественных и благотворительных проектах, предводители использовали не только авторитет дворянства, но и его средства, решения о выделении которых принимались общими собраниями.

Таким образом, институт предводителей дворянства – это центральная часть системы дворянских организаций. Предводители дворянства были одновременно и государственными чиновниками, и общественными деятелями. Чиновники от дворянства очень активно использовались в местном управлении. В своей деятельности предводители были полностью зависимы и подотчетны государству. Напротив, со своими избирателями они были связаны скорее моральными обязательствами. После учреждения земств предводители дворянства становятся в большей мере общественными деятелями с политическими амбициями [1].

Следует заметить, что в Таврической губернии, где половина дворянских выборщиков были мусульманами, губернский предводитель из крымских татар был избран только однажды. В 1823 году за полковника и кавалера Ахмет бея Хункалова было подано 67 голосов, а за его соперника – А. Ф. Филантьева – 51. И этот единственный раз новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов не утвердил первого кандидата, никак не объясняя причин, просто сославшись на свое право. Хотя в «догубернский» период крымской истории не только предводитель дворянства, но и все остальные выборные чиновники были крымскими татарами – отмечал, как пишет С. П. Сухомлина, в своих опубликованных документах дореволюционный исследователь Кириенко [1].

Документ 1766 г. не только регламентировал дворянские выборы, но и определял критерии к будущему кандидату: это дворянин, владеющий имением в данном уезде, старше тридцати лет, не опороченный по суду и известный своей нравственностью. По мере оформления должности требования возрастали. Предводитель дворянства должен был быть богатым, поскольку он не только не получал жалования за свою деятель-

ность, но не имел возможности уделить должного внимания своему хозяйству. Также он должен был иметь достаточный служебный опыт и высокий чин для того, чтобы занимать соответствующее положение в местной иерархии и быть человеком не только известным, но и уважаемым. И, наконец, он должен был быть общительным, обаятельным и, что называется, светским [1].

Мы рассмотрим, насколько же крымскотатарские предводители соответствовали этим требованиям. Согласно информации газеты «Терджиман», общественная активность уездных предводителей дворянства из крымских татар особенно была заметной со второй половины XIX в. В частности, мы можем рассмотреть их участие в области образования и социальной жизни мусульман. Так, из отчета особой комиссии, учрежденной для рассмотрения и обсуждения вопроса об устройстве образовательной части у крымских татар по поручению попечителя Одесского учебного округа, директора училищ Таврической губернии Е. Маркова от 29 мая 1867 г., видно, что к участию в комиссии среди многочисленных чиновников губернии были приглашены крымскотатарские мурзы: Арслан бей Тащи оглу, предводитель Евпаторийского дворянства Абдуveli мурза Карашайский, предводитель Перекопского дворянства и ротмистр Али бей Хункалов, Таврический муфтий Сеит Джелиль, бывший Ялтинский предводитель дворянства Али бей Булгаков, Таврический губернский предводитель дворянства Куликовский [2].

На первом заседании комиссии 2 декабря 1867 г. был представлен проект Таврических мурз Арслан бея Тащи оглу и Абдуveli мурзы Карашайского об образовании крымских татар и обучении их русскому языку. Вначале они отметили, что прошло более 70 лет, как Крым под властью России, в течение которого ничего общего к развитию татар не предпринималось, и что только разумными мерами и постепенно можно восполнить потерянное время. Согласно предложенному проекту, татарские мальчики обучаются в мектебе, где, изучив первоначально правила мусульманской религии, переходят в высшее училище – медресе. Следуя этому порядку, предлагалось обучение в мектебе оставить без изменения, то есть, чтобы в нем было исключительно изучение мусульманских религиозных правил, но при переходе в медресе уже он обучался бы русской грамоте в таком курсе, как предусмотрено в уездных училищах, а в дальнейшем изучать в гимназиях и университетах. Кроме этого, чтобы привлечь народ к образованию, они считали необходимым указать получаемые от этого выгоды, что каждый окончив-

ший курс в медресе, имел право по избранию занять должность духовного лица без различия происхождения. Признавалось необходимым, чтобы на первых порах учителя русского языка в медресе были мусульманами, и в конце отмечалось, что обучение русскому языку будет осуществляться за счет вакуфных средств [2].

Арслан бей Таши оглу был один из достойнейших и развитых мурз Крыма, всеми уважаемый и общий любимец как русских, так и мусульман. Отставной гвардии поручик Арслан бей Таши оглу в 40-х годах XIX в. был выпущен из 2-го кадетского корпуса корнетом в лейбгвардию крымскотатарского эскадрона, но за смертью единственного своего брата Эмин бея, в скорости вышел в отставку и занялся хозяйством в своем родовом имении в 4-х верстах от Бахчисарая, в деревне Толе. В 60-х годах служил Бахчисарайским городским головою и несколько трехлетьев Евпаторийским уездным предводителем дворянства. Был три раза женат, но, к несчастью, не имел детей, не имел близких родственников и прямых наследников по себе. В Симферопольском уезде при деревне Толе у него был дом с садом, водяная мельница и 302 десятины поливной и хлебопахотной земли. Умер Арслан бей Таши оглу 17 января 1875 г. За несколько дней до смерти он оставил завещание по которому назначил душеприказчиками Асан ага Абдураманчикова и штаб-ротмистра Исмаила мурзу Муфтий-заде. Свое имение он оставил в пожизненное владение своей последней жене Джевире ханым, по первому мужу – Крымтаевой, с переходом с ее смертью в полное распоряжение душеприказчиков, с тем чтобы из доходов «Толе» воспитывались два мальчика из бедных семей мусульман Крыма по назначению душеприказчиков [3].

После смерти Джевире ханым, в конце 1879 – начале 1880 гг. душеприказчики вступили в свои права и обязанности. Два мальчика были помещены в пансионат при Симферопольской гимназии. В 1880–1896 годы постоянно воспитывались там два стипендиата Арслан бея из доходов Толе. С 1896 г. за неимением желающих учиться в гимназии два стипендиата – Усеин Боданинский и Абдуреим Абиев находятся в Москве в Строгоновской художественной школе, поступившие туда после окончания с отличием курса Симферопольской татарской учительской школы.

В течение 20 лет стипендией пользовались следующие лица: Шамиль, Рефат, Кадыр Крымтаевы, Амет Муфтий-заде, Ильяс Даирский, Якуб Давидович и Юсуф Менглибаев. Из них один доведен до окончания университета. В конце статьи И. Муфтий-заде пишет: «дай Бог, чтобы побольше было подражателей таким полезнейшим распоряжениям» [3].

В статье «Дворянские выборы» в газете «Терджиман» за 31 января 1903 г. говорится, что раз в три года проводились очередные дворянские собрания и выборы дворян Таврической губернии. На прошлой неделе закончились собрание и выборы дворян Таврической губернии в г. Симферополе, где присутствовали 23 дворянина из мусульман и 70 дворян из русских. После того как собрание обсудило и решило свои текущие дела, Исмаил Гаспринский обратился к собранию с речью, изложенной затем письменно, в которой указывал две основные причины эмиграции крымских татар. Первая – это затянувшееся разрешение и устроение вакуфного дела и вторая – размещение новобранцев-татар по 2–3 человека в разные полки, где уже не раз случалось, они умирали без религиозного напутствия и хоронили их без религиозных обрядов. И. Гаспринский предложил собранию воспользоваться своим законным правом и обратиться с прошением к императору. Собрание, внимательно обсудив это дело, после оживленных дебатов, единогласно одобрило следующую резолюцию: подать на Высочайшее имя прошение дворянства Таврической губернии, чтобы было повеление ускорить разрешение вакуфного дела, согласно шариату и современных нужд населения, а также вернуть крымскотатарский дивизион, имеющий своего муллу в полку, или же группировать татар-новобранцев Крыма в какой-либо части с назначением к ним по одному духовнику для религиозных требований солдат-мусульман [4].

На странице газеты «Терджиман» от 4 апреля 1903 г. был опубликован некролог, из содержания которого мы узнаем, что в экономии Салгир Кемельчи в возрасте около 90 лет скончался один из старейших мурз Крыма Абдувели Карашайский, который в течение 18 лет, с 1866 по 1884 годы, состоял уездным предводителем дворянства Перекопского уезда, избирался непрерывно в почетные мировые судьи и земские гласные по Перекопскому и Симферопольскому уездам, был губернским гласным, директором тюрьмы, председателем училищного совета и т. д. Службу свою Абдувели Карашайский начал при князе Воронцове, пользовался огромным уважением и влиянием на всех поприщах уездной службы. Абдувели Карашайский до последнего времени содержал на свои средства медресе, открытое им при своей деревне [5].

Из некролога в газете «Терджиман» от 15 мая 1902 г. мы узнаем следующую информацию об уездном предводителе дворянства Феодосийского уезда Джан Арслане мурзе Булгакове: он принадлежал к древнейшему аристократическому роду «Булгак», пришедшему в Крым вместе с ордой из глубин Средней Азии, наравне с родами

«Кипчак», «Мансур» (мансурские) и др., он сочетал в себе деликатность и доброту, был одним из старейших деятельнейших членов земства мирового института и дворянства Феодосийского уезда [6].

Следует отметить, что кандидатов, кто подходил бы на должность уездного предводителя, было немного. Но и среди тех, кто подходил, не просто было найти человека, согласного принять на себя обязанности и хлопоты, связанные с этой должностью. Поэтому случайных людей среди уездных предводителей дворянства не было, и должность свою они оставляли либо по собственному желанию, либо, как люди в большинстве своем немолодые, в связи со смертью [1].

Таким образом, уездные предводители дворянства из числа крымских татар привлекали к себе людей своим необыкновенным умом, энергией, обаянием, щедростью и в большинстве своем они пользовались большим уважением, популярностью со стороны своих соотечественников.

В процессе своей деятельности они внесли весомый вклад в развитие образования, культуры

и социальной жизни крымских татар. Деятельность предводителей дворянства, несомненно, достойна более глубокого научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухомлина С. П. Предводители дворянства Таврической губернии / С. П. Сухомлина // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 302–309.
2. Мнение Таврических мурз Арслан бея Таши оглу и Абдувели Карашайского // Сборник документов и статей по вопросу образования инородцев. – СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1869. – С. 134–137.
3. Муфтий-заде И. Арсланбеевский вакуф / Исмаил Муфтий-заде // Переводчик – Терджиман. – 1901. – 8 марта.
4. Дворянские выборы // Переводчик – Терджиман. – 1903. – 31 января.
5. Некролог // Переводчик – Терджиман. – 1903. – 4 апреля.
6. Некролог // Переводчик – Терджиман. – 1902. – 15 мая.

УДК 39(477.75):001.891–057.4«19»1920–1931

Асанова У. К.

ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭТНОГРАФИИ И КУЛЬТУРЫ КРЫМСКИХ ТАТАР В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

У статті на підставі нового корпусу архівних джерел із московських архівосховищ до наукового обігу введено інформацію про діяльність одного з центрів із вивчення історії та етнографії кримських татар у 1920-ті роки – Всесоюзної наукової асоціації сходознавства Проаналізовано наукову спадщину І. Н. Бороздіна.

Ключові слова: історіографія Криму, Всесоюзна наукова асоціація сходознавства, І. Н. Бороздін, репресії.

В статье на основе неизвестного ранее корпуса архивных документов из московских хранилищ в научный оборот вводится информация о деятельности крупного центра по изучению истории и этнографии крымских татар в 1920-е годы – Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Анализируется научное наследие И. Н. Бороздина.

Ключевые слова: историография Крыма, Всесоюзная научная ассоциация востоковедения, И. Н. Бороздин, репрессии.

The article introduces to the scientific usage information about the activity of a large research center in Crimean Tatar history and ethnography in the 1920-s in All-union seines association Orientals from the previously unknown corps of archival documents from Moscow depositories. I. N. Borozdin is scientific heritage is analyzed.

Key words: historiography of Crimea, All-union seines association Orientals, I. N. Borozdin.

Постановка проблемы. В разносторонней деятельности Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (ВНАВ) определенное место занимали крымоведческие исследования. Это проявлялось, прежде всего, в работе историко-этнологического отдела и трудах заведующего этим отделом Ильи Николаевича Бороздина (1883–1959 гг.). Многие исследования были по-

священы истории и культуре крымских татар. На сегодняшний день достаточно актуальным является аспект исследования этнографии и культуры крымских татар в 1920-е годы XX в.

Анализ литературы. В связи с запретом в советское время исследовать научное наследие «запрещенного поколения» востоковедов-этнографов эта проблема является малоизученной.

Цель статьи – представить деятельность известного ученого востоковеда-этнографа И. Н. Бороздина в связи с исследованием этнографии, культуры и искусства крымскотатарского народа.

Изложение основного материала. В историко-этнологическом отделе сотрудничали известные советские ориенталисты – крымоведы Д. Н. Анучин, В. В. Бартольд, Б. П. Денике, Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский и др. [1]. Среди научного наследия ВНАВ в области историко-этнографического аспекта крымоведения наиболее весомый вклад принадлежит И. Н. Бороздину.

После окончания Московского университета (1907 г.) И. Н. Бороздин занимался педагогической деятельностью в учебных заведениях Москвы. Уже в 1908 г. он вступил в Московское археологическое общество, участвовал в работе XV Археологического съезда в Новгороде. В 1912 г. был командирован Обществом на III Международный археологический конгресс в Риме [2]. В досоветские годы ученый заявил своими публикациями о стойком интересе к крымоведению: истории изучения полуострова, его древним памятникам [3, с. 115–116].

С 1920 г. ученый состоял научным сотрудником Московской секции Государственной академии истории материальной культуры. С 1922 по 1929 гг. И. Н. Бороздин – заместитель председателя Археологической комиссии Московской секции этого научного учреждения. Одновременно он сотрудничал в Музее восточных культур.

Научное крымоведческое наследие ученого, значительная часть которого посвящена историко-этнографическим штудиям, насчитывает десятки статей и отдельных брошюр. Единственная попытка систематизировать многогранное научное наследие востоковеда относится к 1959 г. – и была приурочена к празднованию 75-летия ученого. Под редакцией В. А. Афонюшкина при участии А. Н. Горяинова и И. И. Романовой был подготовлен библиографический указатель трудов И. Н. Бороздина [4]. В справочник вошли не все статьи ориенталиста, много ошибок выявлено нами при проверке списка *de visu* в указанных составителями названиях работ. Не везде указаны полные выходные данные.

Уже осенью 1923 г. состоялась первая командировка И. Н. Бороздина от ВНАВ в Крым. Ее итоги историк изложил в специальной статье «Музейная и археологическая работа в Крыму: Из личных впечатлений» [5], которая не вошла в названный библиографический указатель. Знакомая читателей со своими эмоциями по поводу посещения Бахчисарайского ханского дворца и первыми шагами оформлявшегося в его стенах

музея крымскотатарской культуры, И. Н. Бороздин определил, что «теперь очередной задачей нашего востоковедения является изучение крымско-татарской культуры во всех ее проявлениях» [5, с. 497].

Констатируя «печальное состояние крымской археологии», историк выделил определенные шаги местных ученых сил по развитию этнографических исследований, в частности, начало формирования коллекции, посвященной крымскотатарской культуре и быту в Центральном музее Тавриды (ЦМТ).

ВНАВ и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры (ГДМТТК) в июне–сентябре 1925 г. провели научную экспедицию, задачей которой было всестороннее изучение крымскотатарской культуры в Крыму. (Второй этап экспедиции – весна–осень 1926 г.). Решение о ее проведении было принято Центральным исполнительным комитетом и Советом народных комиссаров Крымской АССР. В письме к И. Н. Бороздину председатель Совета народных комиссаров Крымской АССР Дерен-Айерлы 22 июня 1925 г. предложил ему принять участие в работах экспедиции, в частности, в ходе исследования остатков материальной культуры Крымского улуса Золотой Орды в Старом Крыму [6, л. 1].

Интересен тот факт, что И. Н. Бороздин участвовал в исследованиях не с начала работы экспедиции. Это объясняет его письмо к Б. В. Фармаковскому от 4 июня 1925 г., где сообщается, что деньги на исследования крымскотатарской культуры в Старом Крыму выхлопотала ВНАВ. Однако руководитель ЦМТ и КрымОХРИСа А. И. Полканов через музейный отдел Наркомпроса вел переговоры о поручении работ лично ему [6, л. 12–13]. Итогом произведенных в 1925 г. археологических раскопок в Старом Крыму и Гераклейском полуострове стали несколько публикаций И. Н. Бороздина [7–9].

Занимаясь этно-археологическими раскопками в Старом Крыму, экспедиция И. Н. Бороздина ставила задачу изучения средневековой культуры Солхата на основе памятников материальной культуры. Официально задачей экспедиции являлось «произвести учет имеющихся на территории Старого Крыма памятников древности и составить генеральный план старого города» [10, с. 10]. В процессе работы были обнаружены и описаны караван-сарай, медресе и мечеть Узбека XIV в., а также дюрбе. Материалы исследований в Старом Крыму, отлившиеся в публикации [10], дали И. Н. Бороздину возможность сделать важнейший вывод о взаимодействии (переплетении, взаимодополнении) культур в эпоху средневековья.

Выступая против «экзотического» подхода к Востоку, выразившегося, в частности, в стремлении изолировать его историю от истории западных стран, И. Н. Бороздин утверждал, что «старокрымские памятники свидетельствуют о мощных струях влияний сельджукской Малой Азии и Египта эпохи мамлюков. С другой стороны, нельзя не считаться с влиянием, шедшим из Византии и итальянских приморских торговых факторий. При этом в местных крымских условиях складывался своеобразный культурный облик» [11, с. 3].

Эти положения вместе с отчетом о проведенных исследованиях И. Н. Бороздин изложил на Первом Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (февраль–март 1926 г.), а также на проходившей в сентябре 1926 г. Всесоюзной конференции археологов СССР в Керчи [12]. Давая высокую оценку культуре татар золотоордынского периода, о которых «еще недавно говорили презрительно и свысока, как о дикарях и разрушителях» [12, с. 37], ученый приходит к выводу о том, что раскопки в Поволжье, Эски-Юрте (окрестностях Бахчисарая) и в Старом Крыму «обнаружили ряд таких золотоордынских памятников, которые очень далеки от какой-либо дикости» [12, с. 37].

Итогом экспедиционных исследований в Крыму стала публикация И. Н. Бороздина «Проблемы научных экспедиций на Восток» [13], где раскрываются методы подготовки этнологических и археологических экспедиций (необходимость предварительной проработки музейных экспонатов, планов и карт), даются рекомендации по правильному подбору снаряжения, а также рассматриваются наиболее оптимальные формы популяризации полученных данных в виде научных и научно-популярных статей и брошюр.

Обстоятельный обзор произведенных работ с анализом находок был сделан И. Н. Бороздиным в брошюре «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1925–1926 гг.», написанной в соавторстве с А. С. Башкировым. Выставка проходила в Музее восточных культур и являлась результатом работы экспедиции 1925–1926 гг. [14].

Ученые отметили, что наряду с топографической съемкой было произведено научное обследование основных старокрымских памятников с соответствующими обмерами, зарисовками, эстампами, фотоснимками. Экспедиционные материалы, представленные на выставке, четко подразделяются на два отдела: памятники-оригиналы; репродукции с памятников, оставшихся в Крыму.

В том числе были представлены фото и эстампами, снятые с надгробий с надписями на арабском и старо-татарском (джагатайском) языке. Эти и более поздние надгробные памятники позволили этнографам проследить ход этнических миграций в средневековом Крыму, особенности орнаментов различных народов, населявших Крым в XIII–XIV веках [14, с. 6–7].

В личном архивном фонде выдающегося российского ориенталиста Василия Владимировича Бартольда, отложившемся в ПФАРАН, сохранился интересный документ – его отзыв на работы в Крыму А. С. Башкирова, датированный 28 июня 1927 г. [15]. Так как А. С. Башкиров являлся учеником И. Н. Бороздина и их работы проводились совместно, во многом в своем неопубликованном очерке В. В. Бартольд дает оценку и крымоведческому наследию И. Н. Бороздина.

Очерчивая труды А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина в области этно-археологии крымских татар, В. В. Бартольд говорит о необходимости продолжения исследований древних крымскотатарских памятников искусства, «столь же желательно, чтобы были назначены средства для своевременного опубликования подробных отчетов о произведенных работах» [15, л. 2]. При этом В. В. Бартольд особенно выделил значение изучения надгробий для восстановления этнической пестроты населения Таврики.

Значение надгробий для разработки аспектов этнической истории Крыма рассмотрены И. Н. Бороздиным в статье «До вивчення старокримських надгробків», которая была опубликована в «Ювілейному збірнику на пошану академіка Д. І. Багалія» [16]. После общего обзора деятельности Крымской экспедиции 1925–1926 годов автор обосновал выбор Старого Крыма как места для основных этно-археологических исследований. Именно здесь сохранились сооружения и другие остатки культуры Золотоордынской эпохи. Надгробия содержат надписи на различных языках, барельефы, включавшие орнаменты, что позволяло рассматривать их как этнографический источник для восстановления этнического состава жителей.

Эта же тема была освещена ученым в популярной публикации литературно-публицистического альманаха «Советская страна» [17, с. 37], где материалы археологических раскопок были рассмотрены как источник для восстановления культуры средневекового Крыма (крымских татар): одежды, жилища, культов.

Итоги археологического изучения Старого Крыма (Солхата) были обобщены И. Н. Бороздиным в обстоятельной публикации «Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму: Рабо-

ты археологической экспедиции 1926 года», подготовленной для журнала «Новый Восток» [18] и изданной затем отдельной брошюрой.

Акцент на этнологическом уклоне своих археологических исследований в Крыму И. Н. Бороздин сделал в докладе на Этнологическо-лингвистической подкомиссии Бюро съездов Госплана СССР, проходившего в Москве в 1927 г. [19] в рамках программы по подготовке Второй Всесоюзной конференции по изучению производительных сил СССР. Автор выделил необходимость приоритетного изучения этнографии крымских татар в Крыму, что объяснялось развернувшейся политикой татаризации в Крымской АССР. Далее он остановился на своих этноархеологических исследованиях в Солхате и их значении для изучения культуры средневекового Крыма.

Таким образом, хотя в программе Всесоюзной научной ассоциации востоковедения историко-этнографические крымоведческие сюжеты декларировались, они не были выделены как отдельное направление деятельности. Вместе с тем, эти исследования были ведущими в творчестве многих членов ассоциации.

Один из руководителей «Нового востоковедения», представитель его умеренного крыла, настаивавший на взаимодействии с представителями старой школы и использовании всех достижений досоветской науки, И. Н. Бороздин стал одним из организаторов работ ВНАВ, фактически координируя в Ассоциации крымоведческие студии.

Ученый стал организатором и руководителем одного из отрядов крупнейшей из этнографических экспедиций в Крым 1925–1926 гг., организованных ВНАВ совместно с ГДМТТК на средства ЦИК и Совета народных комиссаров Крымской АССР.

В многочисленных крымоведческих публикациях И. Н. Бороздина рассмотрены средневековые надгробия как источник по восстановлению этнической картины Крыма той эпохи. Постоянно обращая внимание на необходимость историко-этнографического изучения Крыма, ученый популяризировал эту проблему в публикациях в ведущих востоковедных и популярных советских и европейских изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Вельтман С.] Деятельность Научной ассоциации востоковедения / С. Вельтман // Новый Восток. – 1925. – № 7. – С. 357–359. – (Изд. под псевд. «С. В.»)
2. Москаленко А. Е. Памяти И. Н. Бороздина (1883–1959) / А. Е. Москаленко // Вопросы истории славян. – Воронеж, 1963. – Вып. 1. – С. 196–197.

3. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 2001. – 816 с.
4. Илья Николаевич Бороздин: библиография / ред.-сост. В. А. Афонюшкин ; [сост. А. Н. Горяйнов, И. И. Романова]. – Воронеж, 1959. – 28 с.
5. Бороздин И. Музейная и археологическая работа в Крыму: из личных впечатлений / И. Бороздин // Новый Восток. – 1923. – № 4. – С. 496–498.
6. ИИМК РАН РА, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181.
7. Бороздин И. В древней столице крымских татар / И. Бороздин // Красная Татария. – 1925. – 27 августа.
8. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в Крыму: Раскопки на Гераклеяском полуострове / И. Н. Бороздин // Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. – М., 1925. – С. 25.
9. Бороздин И. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму / И. Бороздин // Педагогическая жизнь Крыма. – 1925. – № 9/10. – С. 17–20.
10. Бороздин И. Н. Из тьмы веков: Изучение древностей Юга СССР / И. Н. Бороздин // Смена. – 1926. – № 23. – С. 6–10.
11. Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму / И. Н. Бороздин // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. – 1926. – № 2. – С. 3.
12. Бороздин. Новейшие открытия в области татарской культуры / Бороздин // Первый Всесоюзный тюркологический съезд, 25 февраля – 5 марта 1926 г. : Стенографический отчет. – Баку, 1926. – С. 33–38.
13. Бороздин И. Н. Проблемы научных экспедиций на Восток / И. Н. Бороздин // Новый Восток. – 1925. – № 8/9. – С. 244–253.
14. Бороздин И. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925–1926 гг. / И. Бороздин, А. Башкиров // Музей восточных культур. – М., [1927]. – 7 с.
15. ПФАРАН, ф. 68, оп. 1, д. 171.
16. Бороздин І. М. До вивчення старо-кримських надгробків / І. М. Бороздин // Записки Історико-філологічного відділу АН УРСР. – 1927. – № 51 : Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. – С. 469–475.
17. Бороздин И. Культура крымских татар в свете современных открытий / И. Бороздин // Советская страна : литературно-публицистический альманах. – М., 1927. – С. 3–76.
18. Бороздин И. Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года / И. Н. Бороздин // Новый Восток. – 1927. – № 16/17. – С. 256–274.
19. Бороздин И. От этнолого-лингвистической подкомиссии Бюро съездов Госплана СССР (Москва) / И. Бороздин // Бюллетень Оргкомитета 2-й Всесоюзной конференции по изучению производительных сил СССР. Госплан СССР. – М., 1927. – № 3/4. – С. 55–56.

О МАТЕРИАЛАХ ПО ИСТОРИИ КАРТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА

В дослідженні дана характеристика та опис маловідомого документу з особистого архіву А. Л. Берт'є-Делагарда, що зберігається у фондах Центрального музею Тавриди, під назвою «Географические отрывки из далекого и близкого Тавриды, Южного берега и Ялты с краткими пояснениями».

Ключові слова: особистий архів А. Л. Берт'є-Делагарда, історія картографії Криму, Центральный музей Тавриди.

В исследовании дана характеристика и анализ малоизвестных материалов из личного архива А. Л. Берт'є-Делагарда, хранящегося в Центральном музее Тавриды под названием «Географические отрывки из далекого и близкого Тавриды, Южного берега и Ялты с краткими пояснениями».

Ключевые слова: личный архив А. Л. Берт'є-Делагарда, история картографии Крыма, Центральный музей Тавриды.

In the research is given the delineation and description of little-know document from personal papers of A. L. Bert'e-Delagard, which is kept in the central museum of Taurida, which is called «Geographical fragments from remote and neighboring Taurida, the south coast and Yalta with short explanations».

Key words: personal archive of Bertier de la Garde, the history of cartography of the Crimea, the Central Museum Tavridy.

Постановка проблеми. На сьогоднішній день тема по історії картографії Криму остається малоизученою і не достатньо розробленою. Це пов'язано со многими факторами, в основному со скудною історико-географічною базою досліджуваної теми.

Слід звернути увагу на те обставина, що кримський регіон для дослідників по історії картографії являється унікальним об'єктом, так як він знаходився в сфері впливу різних державних утворень, був цікавим об'єктом для картографів минулого.

Якщо розглядати в цілому сучасні українські землі, то вони були незвіданою землею в окремі періоди історії, а Крим був краще вивчений і відомий картографам і подорожникам минулого, а значить, має більш цікаву картографічну історію.

Аналізуючи літературу по даному питанню, слід відзначити, що на сьогодні ми не маємо ні однієї окремої монографії по історії картографії Криму.

Історіографія по нашій темі достатньо детально освітлена в працях Р. І. Сосса [1]. Але автор присвячує свою роботу історії картографії України.

Інформація історико-географічного і історіографічного характеру «розкидана по групах» в різних дослідженнях по історичному кривопису. В основному це роботи А. А. Непомнячого [2].

Ближче всього до нашій темі підійшов дослідник Л. Багров. В своїх працях учений досліджує історію картографії Росії, і лише не-

многочисленна інформація стосується теми історії картографії Північного Причорномор'я [3; 4].

Окремих статей по історії картографії Криму в наукових журналах України і Росії за останні п'ять років не опубліковано.

Ціль дослідження – доповнити історико-географічну базу теми по історії картографії Криму цінними матеріалами, ввести їх в науковий обіг, а також дати характеристику і науковий аналіз змісту виявлених документів. Крім того, краєведам буде цікаво дізнатися ще про одне напрямлення наукової діяльності відомого ученого Криму А. Л. Берт'є-Делагарда.

Виклад основного матеріалу. Александр Львович Берт'є-Делагард – учений, який досліджував різні напрямлення кривопису, що відображено в сучасній історіографії. Але є теми, які на сьогоднішній день залишилися неосвітленими і заслуговують окремого дослідження. До таких напрямлень можна віднести тему «А. Л. Берт'є-Делагард – картограф».

Географічні і історичні карти Криму учений розглядав як важливий документальний джерело, вивчення такого роду джерел входило в коло наукових інтересів ученого. Тому вивчення картографії Криму неможливо представити без досліджень Берт'є-Делагарда.

Першою серйозною друкованою роботою дослідника по історії картографії Криму повинна стати доповідь Александра Львовича, прочитана ним в Ялтинському технічному товаристві 5

марта 1906 года на тему «О развитии картографических понятий о Крыме». В журнале общества тема доклада сопровождалась комментарием: «Сообщение это, на котором были продемонстрированы редчайшие старинные карты Крыма, имеющиеся в библиотеке докладчика, будет напечатано в одном из ближайших выпусков «Известий Ялтинского технического общества» [5, с. 51]. Но журнал более не издавался, текст доклада не найден.

Попытка выяснить, не сохранились ли черновики или подготовительные материалы к указанному докладу в архиве А. Л. Бертье-Делагарда, основная часть которого хранится в фондах Центрального музея Тавриды, оправдала ожидания. Несмотря на разные названия у найденного документа [6] и доклада из журнала, очевидно, что перед нами черновик доклада, зачитанного в Ялтинском техническом обществе. При сопоставлении данных журнала «Известия Ялтинского технического общества» и содержания дела № 54 из фондов музея, видим совпадение, а именно: в журнале «Известий...» отображена последовательность выступления докладчиков [5, с. 51].

Такую же последовательность случайно обозначил в своем черновике Бертье-Делагард: «В этом смысле говорил Иосиф Каземирович Сикорский про гидрологию, а Иван Мартинович Педакас по геологии. Если изволите, я буду руководить беседой, которую можно было бы озаглавить «Географические сведения о Крыме во времени и пространстве» [6].

На тот период, когда слушалось сообщение, в 1906 г., тема по истории картографии Крыма автором не была достаточно разработана. Она имела другое название – «Географические отрывки из далекого и близкого прошлого Тавриды, Южного Берега и Ялты с краткими пояснениями». Перспектива публикации этого сообщения наметилась лишь в 1909 г., когда начал издаваться журнал «Известия Ялтинского технического общества». Александр Львович существенно переработал свои материалы и предложил к публикации в 1909 г. доклад под другим названием «О развитии картографических понятий о Крыме». Материалы же дела из архива Бертье-Делагарда являлись начальной стадией исследования.

Материалы дела № 54 из фондов Центрального музея Тавриды размещены на семи листах, текст машинописный с двух сторон листа черным шрифтом с правками автора от руки, карандашом, корректура, дополнения и примечания на полях и в тексте.

Анализируя содержание дела, его можно условно разделить на три части.

В первую часть вошли два списка карт, выстроенных в хронологическом порядке (всего 88 ед.). Здесь даны названия карт, зачастую имя составителя и год издания. К некоторым картам прилагаются обширные комментарии. Первый список карт отображает в основном картографирование Европы и Черноморского региона от античности и до XVII века включительно. Во втором списке указаны карты, относящиеся к истории картографирования России и Северного Причерноморья XVIII века.

Во второй части документа Бертье-Делагард приводит список изобразительных материалов (42 ед.): портреты полководцев, государственных деятелей, известных политиков. Все эти личности связаны с историей Крыма периода XVIII века: Потемкин, Екатерина, Суворов, Шагин Гирей и др. Некоторые изображения передают различные виды Крыма, тему, связанную с путешествием Екатерины II в Крым, сцены и костюмы крымских жителей. Как мы видим, ученый планировал более подробно проиллюстрировать историю картографирования Крыма и юга России XVIII века не только картами, но и различными изображениями, относящимися к истории этого времени.

К третьей части можно отнести тезисы предполагаемого доклада, которые частично развернуты в начале и достаточно схематичны во второй половине. Черновик доклада не завершен. Неохваченным остался XVIII век.

Автор начинает свое изложение со времен древних греков и ставит здесь вопрос о том, с какого времени они достаточно знали Черное море и берега Тавриды. Рассуждая, приходит к выводу, что южные берега были известны Гомеру в IX веке, в VI веке греки достаточно знали полуостров, но, тем не менее, Геродот в V веке не знает полуостровности Тавриды, считая ее мысом.

Современные исследования дают нам картину развития картографии античного мира по следующей схеме. Первый период не научный – философский, когда картографией реально занимались не геометры (землемеры), а философы. Их интересовала природа Земли, которую они представляли по-разному: как плавающий в море диск или как шар. Подобная академическая деятельность вызывала насмешки моряков и путешествующих ученых вроде Геродота.

Научный подход в картографии начинается на втором этапе, вместе с деятельностью Дикарха, Эратосфена, Гиппарха в IV–II вв. до н. э. С рассказа об этих ученых автор начинает свое повествование о развитии европейской картографии. Эти ученые дали миру понятие о широте и долготе.

На следующей ступени истории науки вырастают другие две фигуры – Марин из Тира и Птолемей из Александрии I–II вв. н. э. Бертье-Делагард именно Птолемею приписывает первенство теории проекции, хотя этот момент в современной историографии спорный [3, с. 26].

Далее Александр Львович характеризует римскую цивилизацию, ее отдельные особенности: «римляне были мастера по дорогам, в этом видели основу владения другими странами». Автор обозначил в своем рассказе самую известную и на сегодняшний день карту римского периода – Пейтингера-Кастория VI века. Римлян, в отличие от греков, мало интересовали достоинства той или иной проекции, система координат. Их интересовали практические вопросы, связанные с расстоянием между пунктами, точное описание военных и торговых путей. Таким характеристикам отвечала карта Пейтингера-Кастория [3, с. 33–34].

Следуя далее, автор выделяет период некоего хаоса в картографировании Тавриды. Он охватывает «время активной смены народов в средиземноморском и черноморском регионах, вплоть до эпохи крестовых походов». Это было время, «когда карта создавалась на основе легенд, а не реальных наблюдений... Крестовые походы пробудили любовь к плаваниям, более свободной торговле... Морские общины (Венеция, Генуя, Пиза) освободились от власти Византии, стали конкурировать друг с другом, явились извозчиками для крестовых походов...». Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. ученый назвал «открытием Черного моря».

С XIII века, как отмечает далее Александр Львович, «в картографической науке намечилось необычайное событие: появление компаса». Как известно в классические времена обычным навигационным руководством были периплы, или «прибрежные лоции», в которых содержались описания путешествий и указания шкиперу. Их следует рассматривать как текстовые описания путешествия, здесь обычно приводились описания берегов и гаваней, расстояние между портами, упоминались страны, лежащие далеко от побережья. Иногда периплы вмещали в себя руководство по навигации: сведения о рифах и скалах, о приливах, силе прибоя, направлениях ветра в течение года [3, с. 60–63].

Бертье-Делагард отмечает в своем черновике, что плавания в Черном море долгий период времени «от Митридата и до самых последних времен» были вдоль побережья. С распространением компаса, старые периплы сменились средневековыми портоланами – особыми руководствами по навигации от порта к порту или даже по пересечению открытого морского простран-

ства. Эти новые карты стали известны также и как компасные или румбовые. Наиболее характерной чертой подобных карт является сетка румбовых линий, позволяющая штурману прокладывать курс от одной гавани к другой [3, с. 65–66]. Ученый правильно отметил особенности новых карт: «способ их черчения очень сложен и большая верность берегов, грубость и сокращенность внутри (континента)».

Далее Бертье-Делагард очень схематично, отдельными словами и словосочетаниями приводит исторические обстоятельства развития картографических представлений о нашем регионе: «...взятие Константинополя, греки в Италии, уния, переводы, ренессанс, открытие пути в Индию и Америку, перевод Птолемея, взятие турками проливов, взятие Крыма...». Особо автор останавливается на наследии Птолемея: «восторг ученых и злобредность его влияния, борьба двух направлений, только при нас закончившаяся».

С этого момента ученый отмечает два противоположных направления в европейской картографической науке. Одно из них основано «на простом инструментальном исследовании», другое «на блестящей идее определения географических точек координатами (долготой и широтой), за которой не видны явные ошибки школы Птолемея». Заканчивается черновик доклада упоминанием имен «редких путешественников к монголам»: Рубрук, Джовани да Лука, Д'Асколи, Броневский. В последнем предложении идет перечисление: «Меркатор XVI–XVIII, Петр, Миних, Екатерина».

Для доклада Бертье-Делагард отобрал ряд карт (88 ед.) из своей коллекции. Из наличия двух списков карт мы можем заключить, что ученый планировал исследовать отдельно и подробно развитие картографии юга России в XVIII веке. Но размышления исследователя по этой теме на сегодняшний день оказались для нас не доступны.

Таким образом, в фондах Центрального музея Тавриды нами был обнаружен ценный материал по истории картографии Крыма, который может существенно дополнить источниковедческую базу нашей темы. К сожалению, материалы исследуемого нами дела обрывочны, имеют черновой характер, также отсутствует часть тезисов. Но, тем не менее, они позволяют восстановить некоторые основные мысли исследователя по интересующей нас теме.

В черновике можно отследить основные этапы истории картографирования Северного Причерноморья (донаучный, греческий период; непосредственно научный, греческий; этап римской картографии; «легенды средних веков»; ре-

нессанс культуры и науки, возврат к античности, с этого момента две школы в картографии, вплоть до конца XVIII века, времени появления точных инструментальных работ). Ученый рассматривает историю картографирования Северного Причерноморья в русле развития картографирования европейского региона.

Исследуя материалы черновика, можно выявить основные обстоятельства и факторы, повлиявшие на развитие картографических представлений о юго-восточной Европе. Ученый считал, что на развитие картографических знаний и представлений в значительной мере могут влиять исторические обстоятельства, наряду с достижениями в области науки.

УДК 821.161.1

Потапенков А. В.

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Найвищі досягнення Ф.М. Достоевського як соціального мислителя пов'язанні з розробленням волі особи. В своїх творах він висловлює віру в людину, в його творчі та пізнавальні можливості.

Ключові слова: людина, воля, відповідальність, свідомість, безсвідоме, Бог, Церква.

Наивысшие достижения Ф. М. Достоевского как социального мыслителя связаны с разработкой свободы личности. В своих произведениях он выражает веру в человека, в его творчество и познавательные возможности.

Ключевые слова: человек, свобода, ответственность, сознание, бессознательность, Бог, Церковь.

The top achievements F.M. Dostoevsky as social thought are related to development of individual freedom. In the works he expresses a faith in a man, in his creative and cognitive possibilities.

Key words: man, freedom, responsibility, consciousness, unconscious, God, Church.

Постановка проблеми. Признание Достоевского великим философом, мыслителем состоялось в XX веке. Его философия опередила время, поэтому современники были не в состоянии в полной мере оценить значение Достоевского-мыслителя. Лишь в XX веке, обещавшимся переполненным историческими катастрофами, войнами мирового масштаба, небывалыми страданиями огромных масс людей, обратились взоры мыслящего человечества к творчеству Достоевского, позволили оценить всю глубину и прозорливость его пророчества.

Тот факт, что писатель, не оставивший после себя ни одного чисто философского сочинения, является ярким представителем русской философии, оказавшим существенное влияние на ее

ЛИТЕРАТУРА

1. Сосса Р. І. Історія Картографування території України / Р. І. Сосса. – К., 2000.
2. Непомнящий А. А. Историчне кримиознавство : бібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Сімферополь, 2003. – 456 с.
3. Багров Л. История картографии / Лео Багров. – М., 2004. – 320 с.
4. Багров Л. История русской картографии / Лео Багров. – М., 2005. – 524 с.
5. Известия Ялтинского технического общества. – Ялта, 1909. – Вып. 1.
6. ЦМТ. Архив Бертье-Делагарда А. Л.: оп. № 5, д. № 54. Географические отрывки из далекого и близкого прошлого Тавриды, южного берега и Ялты с краткими пояснениями.

Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком.

Ф. М. Достоевский

развитие, показывает, насколько русская философия отличается от ее классических западных образцов. Здесь главным является не строгость и логичность философских рассуждений, а непосредственное отражение в философских исканиях тех проблем, которые связаны с жизненным выбором каждого человека и без решения которых станет бессмысленным наше существование. Именно такие вопросы и решают герои романов Достоевского, причем главным для них является вопрос об отношении человека к Богу – тот же самый вопрос о сущности веры, только взятый в наиболее принципиальной, метафизической его постановке.

Анализ литературы. Сегодня имя Ф. М. Достоевского известно во всем мире. Его произведения изданы в большинстве стран. Литература о Достоевском огромна. Не будет преувеличе-

нием утверждать, что ни один крупный мыслитель XX столетия не оставил без внимания творчество Достоевского. Его изучали и комментировали Н. Бердяев и Н. Лосский, К. Ясперс и З. Фрейд, Л. Шестов и Вяч. Иванов, Р. Лаут и Р. Гвардини, Д. Мережковский и М. Бахтин, В. Соловьев и Ю. Кудрявцев и др.

Цель статьи – раскрыть многогранность подходов Ф. М. Достоевского к раскрытию тайны человеческой души в контексте современности.

Изложение основного материала. Произведения Достоевского представляют собой своеобразные исследования глубинных оснований человеческого духа, человеческой психики. Один из известных отечественных исследователей его творчества Ю. Г. Кудрявцев выделял в их содержании три слоя или три уровня: событийное, социальное, философское [1]. Событийная сторона не является для Достоевского важнейшей. Событийное и социальное служат мыслителю для того, чтобы глубже раскрыть философское, метафизическое. В этой связи, видимо, справедливы слова Н. Бердяева о том, что «Достоевский не художник-реалист, а экспериментатор, создатель опытной метафизики человеческой природы. Все художество Достоевского есть лишь метод антропологических изысканий и открытий» [2, с. 55]. В романах Достоевского нет ничего эпического, в них нет изображения быта, нет объективного изображения человеческой и природной жизни. Все герои Достоевского только и делают, что ходят друг к другу, разговаривают друг с другом, вовлекаются в водоворот человеческих страстей и судеб. Автор намеренно ставит их в такие ситуации, в которых выходят на поверхность и находят свое выражение самые потаенные и скрытые стороны человеческой природы.

Достоевского привлекает человек, в первую очередь, во всей неисчерпаемой глубине проявлений его душевной жизни. «В своем анализе Достоевский постоянно стремился сосредоточить свой взгляд на «человеческом» в человеке, – отмечает известный исследователь творчества мыслителя Рейнхард Лаут. «Он пытался в единичных порывах выявить и понять душевное единство. Он непрерывно показывал, что имеет дело с живой человеческой душой, а не с комком нервов и влечением. И, наконец, он открывал недоступные области чужого бытия посредством сострадания и любви, которые лишь одни могут их прояснить» [3, с. 31].

В произведениях Достоевского следует усматривать веру в человека, в его творческие и познавательные возможности, в его способность к любви, состраданию, милосердию. Однако эта вера в человека весьма далеко отстоит от романтических и иных представлений, основанных на

идее «радикального добра» в человеческой природе. Напротив, Достоевский сосредотачивает свое внимание на противоречивости человека, на соединении и борьбе в нем светлого и темного. Далека от морализаторства, от того, чтобы ханжески осуждать проявления темных сторон в человеке. Свою задачу он видит не только в том, чтобы исследовать психологию человека, но и в том, чтобы разработать метафизику души, т. е. вскрыть универсальные характеристики душевной жизни человека.

По Достоевскому, любовь и познание суть два главных предназначения человека. Достоевский придавал любви большее значение, чем познанию, хотя не только в любви, но и в познании он видел высшее выражение человеческого бытия. Он говорил о взаимосвязи любви и познания не в формальном, а в подлинном смысле – о познающей любви и о любящем познании. Только в этой связанности оба эти свойства, в конечном счете, становятся плодотворными: «Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все более и более, на всяк день» [4, с. 289].

Вместе с тем, у Достоевского отчетливо выражены опасения относительно сложности, как любви, так и познания. Человеку предстоит жизненная задача – преодолеть искушения неправильного понимания любви и познания. Любовь к человеку не есть опека над ним, не есть управление и властвование человеком, она не есть и жалость к нему. Любовь несовместима с презрением и неверием в человека. Любовь есть соединение и слияние с родным по духу, с неодинаковым, но равным по достоинству и признанию. Способность любить не всегда дается человеку сразу; ее следует бережно культивировать и развивать.

Познание тоже может быть построено и направлено неправильно. Оно может оказаться разрушительным по отношению к жизни и личности человека. Особое место в творчестве Достоевского занимает критика рассудочного познания. В эпоху торжества науки и распространения позитивных представлений о человеке возникает опасность целиком довериться рассудочному пути. Согласно Достоевскому, ошибка состоит в том, что человек приравнивает познание к ограниченной неестественной форме рассудочной мысли, где разум и рассудок противопоставляются жизни и оцениваются выше, чем жизнь. «Теория» ставится выше жизни, жизнь подгоняется под «теорию». Раскольников во время обдумывания и совершения преступления переживает внутреннее раздвоение, раскол между разумом («теорией») и непосредственным чувством.

Лишь впоследствии он пробуждается от своего «теоретического ослепления» и возвращается к чувству: «он не мог в этот вечер долго и постоянно о чем-нибудь думать, он только чувствовал. Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» [5, с. 422].

Действительное познание, по мысли Достоевского, осуществляется не разумом, взятым изолированно, а целостным существом человека. Не только в познании, но и во всех своих проявлениях человек ведет себя как целостность, которая может быть разрушена лишь искусственно. Разрушение целостности никогда не остается без отрицательных последствий для человека, для его личности, для его жизни. Целостность человека имеет, однако, сложную структуру. Наряду с сознанием Достоевский выделял в ней бессознательное и сверхсознательное. По его убеждению, сознание, а тем более разум, занимают в составе душевного мира человека весьма малое место. Это не означает умаления разума как высшей способности. Но правда, по Достоевскому, состоит в том, чтобы решиться на признание: жизнь человеческой души на львиную долю состоит из проявлений, не контролируемых разумом. По мнению ряда исследователей, именно Достоевскому принадлежит заслуга не только в открытии бессознательного, но и в описании различных его видов и исследовании их функций.

По Достоевскому, все «человеческое в человеке» коренится исключительно в человеческой душе. Как достоинства, так и человеческие пороки связаны не с телом, а с душой. Со времён Сократа и Платона в европейской мысли сложилась традиция связывать пороки («страсти») с импульсами, идущими от тела. В связи с развитием естествознания, изучением физиологии и анатомии человека все большее внимание стали обращать на биологическую природу человека, надеясь ее либо положительными (в моральном смысле), либо отрицательными качествами. Достоевский осознанно идет против этих тенденций. С его точки зрения, ни человеческие добродетели, ни порочные склонности не могут быть объяснены свойствами тела, биологией человека. Все коренится в человеческой душе, прежде всего, в ее бессознательной части.

В человеческой душе заложены самые различные тенденции, как положительные, так и отрицательные. Они различны от человека к человеку. Однако даже те из людей, кто является к нам в чистоте, часто таят в себе безнравственные склонности. Когда в романе «Идиот» князь Мышкин задается вопросом, не думает ли он, что «на свете гораздо больше воров, чем не воров, и

нет даже такого самого честного человека, который хоть бы раз в жизни чего-нибудь не украл», «Мне кажется, – отмечает князь, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете». Достоевский вложил эту фразу в уста своего чистейшего героя, чтобы показать всю серьезность этой мысли. Задача человека, по Достоевскому, не в том, чтобы скрывать свои пороки даже от самого себя, и не в том, чтобы надеяться достичь абсолютной беспорочности, а в том, чтобы дать безнравственным склонностям разрастись, не допустить того, чтобы они подчинили себе личность человека, целиком определяли его помыслы и поведение.

Открытие значительной роли бессознательного позволяет Достоевскому вскрыть противоречивость и даже парадоксальность человеческой природы. В человеке живет не только стремление к созиданию, к творчеству (на что обращала особое внимание современная писателю философия), но и жажда разрушения. Конечно, не всякий человек способен, подобно М. Бакунину, открыто заявить, что «страсть к разрушению есть творческая страсть». Однако в душе всякого нормального человека глубоко скрыт потенциал разрушения, который прорывается в определенные моменты жизни. В бессознательном скрыто живет желание разрушить все, даже то, что дорого и близко, с тем, чтобы устремиться к новой, неизвестной жизни. Наконец, по Достоевскому, в человеке, помимо желания счастья, присутствует потребность страдания, в которой он боится признаться, но которая властно повелевает им. Чем же объясняет Достоевский столь удивительную парадоксальность человеческой природы? Коренная причина состоит в том, что есть существо, страстно желающее свободы и страшящееся несвободы. Отношением к свободе и определяются коренные особенности «человеческого в человеке».

Человеку присуще стремление к свободе. Как только человек замечает, что он в определенном плане ограничен, он тут же устремляется против такого ограничения. Люди мирятся с законами природы потому, что при этом им остается еще большее поле свободы. Однако человек немедленно пытается отвергнуть то, что он должен делать исключительно в силу закона или внешнего принуждения. Конечно, он может сделать вид, что подчинился, но все его существо при этом восстает против того, что ему предписано. Если он видит, что не может действовать в соответствии со своими желаниями, то он готов пойти на все, чтобы настоять на своей свободе или уничтожить несвободу. Он проклинает виновника, мешающего его цели, будь то Бог, мировая душа или слепые законы природы. Человек

готов даже к тому, чтобы отвергнуть предписания собственного разума, если ощущает, что они стесняют его свободу. Человек не может согласиться с ролью «штифтика» – «и что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифик в органном вале?» [6, с. 114].

Человек восстает против такого состояния воли. Воля хочет быть госпожой самой себе, человек хочет своеволия. «Человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как повелевали ему разум и выгода», человеку нужно только свое собственное «свободное и вольное хотение» [6, с. 113].

Подчиниться только велениям разума он не может, даже если при этом стал бы сверхсчастливым. Он должен прибавлять к самым разумным соображениям момент собственной фантазии, чтобы доказать, что он всегда остается свободным человеком, а не «штификом». Своеволье защищает самое дорогое и самое главное – нашу личность и нашу индивидуальность. Жизнь есть нечто живое, свободное, а не функционирующее по законам и формулам, она не является чем-то оцепеневшим, мертвым. Всякая же формула, научный закон построены на искусственном омертвлении жизни, на условном исключении из нее момента непредсказуемости и произвола.

Итак, Достоевский выступает против односторонних, рационалистических представлений о человеке (теория «разума эгоизма» и т. п.). Однако размышления мыслителя не сводятся к подчеркиванию стремления к свободе. Достоевский обращает пристальное внимание на этическую сторону проблемы.

По Достоевскому, исключительная важность для человека «свободного и вольного хотения» отнюдь не равнозначна отсутствию нравственных критериев. Напротив, свобода человека возлагает на него всю ответственность за самостоятельный выбор между добром и злом и за все последствия такого выбора. «Все ли дозволено», каковы границы нравственного поведения человека – вопрос, который постоянно интересовал писателя, он неоднократно возвращался к нему, прежде всего, через образы Раскольникова и Ивана Карамазова. Ни Раскольников, ни Иван Карамазов не могут в действительности переступить границу. Им приходится расплачиваться за попытку «преступить» трагедией своей жизни.

Дело не в страхе перед наказанием и не в преклонении перед моральной нормой. Дело, прежде всего в том, что Достоевский исходит из безусловной нравственной ценности всякой человеческой души, всякой человеческой личности, хотя бы и самой падшей. Не все дозволено потому, считает Достоевский, что не дозволено попрание человеческой личности, обращение ее

в средство. Ограничение объема возможностей вытекает, согласно Достоевскому, из отношения к личности, как к безусловной ценности. Посягательство на жизнь и достоинство личности рассматривается им как нарушение самих основ человеческого существования.

Как мы видим, Достоевский выводит на первый план проблему неразрешимой антиноличности человеческого бытия – проблему, которая была одной из самых главных для русской философии и всей русской культуры. Основой и источником этой антиноличности является противоречие между всеобщностью, благостью, вневременностью Бога и эмпирической конкретностью, ущербностью, смертностью человека. Наиболее простой способ разрешения этого противоречия – полагания полного превосходства одной его стороны над другой.

Можно вспомнить, что ради сохранения абсолютной личной свободы и независимости человека Герцен готов был защищать почти атеистические воззрения на мир; славянофилы, наоборот, провозглашали глубокое единство Бога и человека, были вынуждены оставить в стороне проблему фундаментального несовершенства человеческой природы, проблему укорененности зла в ней. Достоевский слишком хорошо видит и все «вершины» человеческого духа, и все его «пропасти», чтобы удовлетвориться такими крайними и потому простыми решениями. Он хочет оправдать перед лицом Бога не только всеобщую духовную сущность человека, но и саму конкретную, неповторимую и ограниченную личность во всем богатстве ее благих и злых проявлений. Но поскольку единство Бога и несовершенного эмпирического человека невозможно осмыслить в терминах классического рационализма, Достоевский радикально порывает с рационалистической традицией. Самое главное в человеке невозможно вывести ни из законов природы, ни из всеобщей сущности Бога. Человек – это уникальное и иррациональное в своей сущности создание, совмещающее в себе самые радикальные противоречия мироздания. В дальнейшем, уже в философии XX века, это утверждение стало главной темой западноевропейского и русского экзистенциализма, и нет ничего удивительного, что представители этого направления справедливо считали Достоевского своим предшественником.

Вслед за А. Пушкиным Достоевский оказался художником, глубоко отразившим в своем творчестве «диссонансный» характер русской культуры и русского мировоззрения в целом. Однако есть и существенное различие во взглядах Пушкина и Достоевского. У Пушкина человек оказывался на «перекрестке» главных проти-

воречий бытия, как бы игрушкой борющихся сил (например, герой «Медного всадника» гибнет в столкновении стихийных сил природы с вечными идеалами и «идолами» цивилизации, олицетворяемыми статуей Петра). У Достоевского человек – уникальный носитель всех этих противоречий после битвы между ними. В своей душе он соединяет и самое низменное, и самое высокое. Наиболее точно это выражено в словах Дмитрия Карамазова: «...иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начнет с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы» [7, с. 123].

И, несмотря на такую противоречивость, человек представляет собой цельность, которую почти невозможно разложить на составляющие и признать вторичной по отношению к какой-то более фундаментальной сущности – даже по отношению к Богу! Это и порождает проблему взаимосвязи Бога и человека, их отношение в определенном смысле становится отношением равноправных сторон, становится подлинным «диалогом», обогащая обе стороны. Бог дает человеку основу его бытия и высшую систему ценностей для его жизни, но и человек (конкретный эмпирический человек) оказывается иррациональным «дополнением» божественного бытия, обогащая его за счет своей свободы, своего «своеволия». Недаром центральное место во многих произведениях Достоевского занимают герои, способные на «бунт» против Бога (Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов и др.). Именно тот, кто способен на дерзание безграничной свободы, в наибольшей степени соответствует парадоксальному идеалу человека у Достоевского. Только пройдя все искусства «своеволия» и «бунта», человек способен достичь подлинной веры и подлинной надежды на достижение гармонии в своей собственной душе и в окружающем мире.

Все сказанное является только очень предварительным и неточным выражением той новой концепции человека, которая вырастает из художественных образов Достоевского. Для того чтобы конкретизировать и уточнить ее, нужно, прежде всего, обратить внимание на то, как Достоевский понимает взаимоотношения людей в их совместной общественной жизни и как он решает проблему диалектической взаимосвязи уникальной личности и мистического соборного единства, – ту проблему, которая возникла в сочинениях его предшественников. Особенно большое значение для понимания взглядов Достоевского имеет концепция мистической Церкви

А. Хомякова, главного теоретика славянофилов.

А. Хомяков понимал Церковь как мистическое духовно-материальное единство людей, уже в этой, земной жизни соединяющихся друг с другом и с божественной реальностью. При этом он полагал, что мистическое единение людей носит божественно совершенный характер, уже осенено божественной благодарностью. Достоевский целиком принимает идею мистического единства людей, в гораздо большей степени сближает объект мистического чувства с нашей земной действительностью и поэтому не считает это единство божественным и совершенным. Но именно такое «принижение» мистического единства до нашей земной жизни постоянно влияет на поступки и мысли каждого человека.

Мистическое взаимодействие и взаимовлияние людей, остро чувствуемое Достоевским, наглядно отражается в той магической атмосфере всеобщей взаимозависимости, которая наполняет его романы. Присутствие этой магической атмосферы заставляет нас считать почти естественными многие странные черты художественного мира Достоевского: появление всех важнейших персонажей в определенные кульминационные моменты в одной и той же точке романного пространства, разговоры «в унисон», когда один персонаж словно подхватывает и развивает слова и мысли другого, странное угадывание мыслей и предсказание поступков и т. д. Все это внешние знаки той невидимой, мистической сети взаимосвязи, в которую включены герои Достоевского, – даже те, кто ставит целью разрушить эту сеть, вырваться из нее (Верховинский, Свидригайлов, Смердяков и др.).

Возвращаясь к сравнительному анализу концепции соборности Хомяков и представлениям Достоевского о мистическом единстве людей, нужно еще раз подчеркнуть, что главным недостатком концепции Хомяков является ее чрезмерный оптимизм в оценке бытия человека, пребывающего в сфере «истинной» (православной) церкви. У Хомяков мистическая Церковь – это и есть божественное бытие, и получается, что человек уже причастен к идеалу в земной жизни. Достоевский отвергает столь простое решение всех земных проблем, для него иррационально мистическое единство людей, реализованное в земной жизни, отличается от того единства, которое должно осуществиться в Боге. Более того, последнее единство оказывается просто некоторой предельной целью, некоторым идеалом, возможность воплощения которого становится под сомнение или даже отрицается.

Достоевский не очень верит в окончательную (и тем более простую) достижимость идеального состояния человека, человечества, всего

мирового бытия; это идеальное состояние пугает его своей «неподвижностью», даже какой-то «мертвенностью» (особенно выразительное подтверждение этой мысли дают повесть «Записки из подполья» и рассказ «Сон смешного человека»). Именно земное, несовершенное, полное противоречий и конфликтов единство людей он признает насущным и спасительным для человека; вне этого единства никто из нас не может существовать.

Не менее радикальное расхождение Достоевского с Хомяковым касается оценки индивидуальной свободы и самобытности личности. Достоевский признавал, что на него оказал огромное влияние А. Герцен, он глубоко воспринял идею Герцена об абсолютной безусловности личности и ее свободы. Но, как это ни парадоксально, он соединил эту идею с хомяковским принципом мистического единства людей, снимал полярную противоположность двух подходов к пониманию человека. Как и Герцен, Достоевский утверждал абсолютность личности, однако при этом он настаивает на том, что ценность и независимость каждого из нас имеют основой мистические взаимосвязи с другими людьми. Как только человек обрывает эти взаимосвязи, он теряет себя, теряет основу для своего индивидуального бытия. Это происходит, например, с Раскольниковым и Ставрогиным. С другой стороны, как и Хомяков, Достоевский признает реально существующим всеобщее мистическое единство людей, признает наличие некоторого «силового поля» отношений, в которые включен каждый человек. Однако само это «силовое поле» не может существовать иначе, как только будучи воплощенным в отдельной личности, становящейся как бы центром поля взаимодействий.

Мистическая Церковь Хомяков все же возвышается над отдельными людьми и может быть понята как всеобщее, растворяющее единичное. Для Достоевского ничего всеобщего не существует (эта мысль ясно выражена в исследованиях М. Бахтина о Достоевском), поэтому даже единство, охватывающее людей, предстает у него олицетворенным той или иной личностью. Это единство как бы концентрируется и становится зримым в отдельной личности, на которую тем самым возлагается полная мера ответственности за судьбы других людей. Если человек не в состоянии вынести эту ответственность (а так почти всегда и происходит), его судьба оказывается трагичной и эта трагедия захватывает всех окружающих.

Все романы Достоевского содержат изображение этой трагедии, в которой личность, добровольно или по воле судьбы принявшая на себя ответственность за окружающих, идет к физиче-

ской или моральной гибели (Раскольников, Ставрогин, Версиков, князь Мышкин, Иван Карамазов). Эта трагедия общения лишней раз доказывает, насколько земное единство людей далеко от благости и совершенства божественного бытия. В результате идея мистической земной взаимосвязи людей ведет Достоевского не к уверенности в победе добра и справедливости (как это было у Хомякова), а к концепции фундаментальной, неустранимой вины каждого перед всеми людьми и за все происходящее в мире.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**.

1. По своим философским взглядам Достоевский относится к экзистенциализму, который получил дальнейшее развитие в XX веке. Как писатель, художник Достоевский относится к критическому реализму, основателями которого в России были А. Пушкин и Н. Гоголь. К критическому реализму относились все великие русские писатели XIX века: И. Тургенев, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький и др.

2. В воззрениях Достоевского легко усматриваются дальнейшее развитие идей христианского гуманизма.

3. По Достоевскому, любовь и познание суть два главных предназначения человека.

4. Достоевский выступает против односторонних, рационалистических представлений о человеке.

5. Как утверждает великий писатель, в человеческой душе заложены самые различные тенденции, как положительные, так и отрицательные. Человек – это творческий центр реальности, разрушающий все границы, положенные миром, преодолевающий все внешние закономерности.

6. Вслед за Пушкиным Достоевский оказался художником, глубоко отразившим в своем творчестве «диссонансный» характер русской культуры и русского мировоззрения. Наивысшие достижения Достоевского как мыслителя связаны с разработкой темы свободы. Но свобода, без которой человеческое существование невозможно, есть не только желание для человека, но и тяжесть, которую человек не всегда в состоянии нести.

7. Творческое наследие великого русского писателя играет «духовно-подъемную» роль в наше время, когда в России, в Украине целенаправленно и изоциренно внедряется опасная доктрина Даллеса, направленная на деградацию общества, разрушение славянских и гражданских основ духовно-нравственного воспитания.

8. В этих условиях положительную роль должно сыграть православие, горячим сторонником которого был Достоевский. В современном

православии, наряду с религиозным вероучением, присутствуют и общечеловеческие духовно-нравственные основы, которые в сочетании с современными научно-техническими достижениями могут играть значительную роль в духовном воспитании молодежи.

9. Ф. М. Достоевский глубоко раскрыл сущность русского национального характера, его высокую человечность и отзывчивость, готовность прийти на помощь всем страждущим, оскорбленным и униженным. Он блестяще раскрыл сложную диалектику русской души.

10. Ф. М. Достоевский, также как Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, разрабатывал концепцию личности с учетом глобальных идей, выдвигаемых в философии и во всей культуре XIX века.

11. Как и его единомышленник Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский отрицал историческую правомерность революционного насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Гранд, 1979. – 574 с.
2. Бердяев Н. А. О русских классиках / Н. А. Бердяев. – М. : Гардарики, 1993. – 732 с.
3. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / Р. Лаут. – М. : Омега-л, 1996. – 643 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 14. – 715 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 6. – 674 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 5. – 597 с.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Госиздат, 1972–1990. – Т. 9. – 824 с.

УДК 94(=512.19)+94(560)

Эмиров Р. С.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

В статті представлені результати дослідження особливостей зовнішньополітичної взаємодії Кримського ханства і Османської імперії в XV–XVII ст., специфіка взаємин яких полягала в тому, що Кримське ханство потрапило в залежність від Туреччини і було зобов'язане узгоджувати свою зовнішню політику з політикою Оттоманської Порти, прагнучи при цьому до своєї незалежності.

Ключові слова: Кримське ханство, імперія Османа, султан, калга.

В статье представлены результаты исследования особенностей внешнеполитического взаимодействия Крымского ханства и Османской империи в XV–XVII вв., специфика взаимоотношений которых заключалась в том, что Крымское ханство попало в зависимость от Турции и было обязано согласовывать свою внешнюю политику с политикой Оттоманской Порты, стремясь при этом к своей независимости.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, султан, калга.

In the article are presented results of research of features of foreign-policy cooperation of the Crimean Khanate and Ottoman Empire in XV–XVIIth century, the specific of mutual relations of which consisted in that the Crimean Khanate got in dependence on Turkey and was under an obligation to coordinate the foreign policy with a policy Ottoman Ports, aspiring here to the independence.

Key words: the Crimean Khanate, Osmanic Empire, sultan, kalga.

Постановка проблемы. В отечественной и зарубежной исторической науке имеется большое количество трудов, посвященных политической, социальной, экономической и культурной истории Крымского ханства и Османской империи. Однако основная масса работ посвящена общим аспектам истории Крымского ханства, или труды освещают более ранние периоды истории Крымского полуострова (греческий и итальянский). Присутствие османов в Крыму, хотя и упоминалось историками, но почти всегда только вскользь и очень кратко. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, в силу по-

литических и идеологических подходов к данному вопросу в советской исторической науке исследование этого аспекта истории Крыма не проводилось, и взаимоотношения Крымского ханства и Османской империи в специальную тему не выделялись. Во-вторых, изучение отдельных этапов и проблем истории взаимодействия Крымского ханства и Османской империи затруднено тем, что значительная часть источников сохранилась на староосманском, крымско-татарском, арабском и персидском языках.

В настоящее время, в силу новых исторических реалий, назрела острая необходимость за-

ново оценить и проанализировать комплекс источников по истории взаимодействия Крымского ханства и Османской империи.

Цель данной работы – проанализировать научную литературу, посвященную особенностям внешнеполитических контактов Крымского ханства и Османской империи XV–XVII вв., для более объективного и полного освещения предшествующих этапов изучения данной проблемы.

Изложение основного материала. На протяжении последних двух веков многие известные ученые занимались крымской проблематикой. В частности, вопросы внешней политики Крымского ханства исследовались в работах Н. А. Смирнова [1], И. Б. Грекова [2]. Попытку суммировать накопленный материал по внутренней и внешней истории Крыма сделал в своей книге Л. А. Якобсон [3].

Среди исследований конца XX – начала XXI веков заслуживает внимания исторический очерк краеведа Е. Катюшина [4], в котором подробно исследованы многие вопросы: завоевание Крыма османами; описаны быт, хозяйство, традиции, культурная жизнь, архитектура города; приводятся данные о количестве и конфессиональном составе населения; описано экономическое положение города.

Крымское ханство, по справедливому выражению профессора В. Д. Смирнова, никогда не жило вполне самостоятельной жизнью, которая была бы выражением одних коренных черт национального характера господствующего населения Крыма. Сначала Крым зависел от Золотой Орды и управлялся наместниками золотоордынских ханов, потом сделался вассальным государством Турции. Влияние Турции сильно сказывалось на внутреннем, домашнем быту, строе внутренних учреждений, религии, языке, литературе, искусстве и вкусе, хотя здесь, конечно, проявлялись в некоторой степени и национальные черты [5].

Вокруг Османской империи в XV–XVII вв. сложилось немало государственных образований-данников, приносивших казне основной доход, но сохранявших в большей или меньшей мере самостоятельность во внутренней политике и управлении. Крымское ханство стало одним из таких буферных государств на границе с христианским миром. «Несовершенство» феодальных поземельных отношений в сочетании с развитой, хотя и разобщенной прослойкой феодалов, не слившихся в единый класс, характеризует социальную структуру Крымского ханства. Феодалы по большей части пользовались доходами не со своих земель, а крестьяне не были зависимы от них экономически [6]. Таким образом, находившиеся в стадии формирования классовые отно-

шения долгое время сочетались с бесклассовыми – явление нередкое на Востоке, но не в Европе [7].

Характерным было и присутствие внешних черт деспотического режима – к хану сходились все нити управления страной и подданными; ему подчинялась высшая духовная власть, вся мусульманская община; он не нес ответственности перед соплеменниками за свои деяния. И все же это не была деспотия, так как ханская власть ограничивалась сословными учреждениями, основным из которых был диван. Сословия могли оказывать влияние на хана и помимо дивана, и даже вопреки решениям совета [8]. Более того, крымские феодалы могли, невзирая на волю Турции, сменять и назначать ханов. Бывали случаи, когда хана избирали, не дожидаясь султанского утверждения кандидата, а поднимая его, по ордынскому еще обычаю, на войлочной кошме. И наоборот, беи свергали и даже убивали ханов – только в XVI веке это случалось в 1523, 1524 и 1584 гг. Таким образом, нередко и утвержденный турками хан являлся на деле ставленником крымской аристократии, во всем ей послушным. Хан мог карать своих подданных жестоко, не делая различий между сословиями, но в отличие от султана лишь тогда, когда чувствовал свою безнаказанность, и не опасался мести со стороны рода казненного [9]. В связи с этим Крымское ханство являло собой переходную государственную форму, нечто среднее между деспотией типа турецкой, с одной стороны, и развитой абсолютной, но уже ограниченной монархией Западной Европы, – с другой.

Придя в Крым, османы завладели его юго-восточной береговой и предгорной частью – от Инкермана до Кафы. Получив таким образом в свое владение важнейшие прибрежные стратегические опорные пункты, султан не мог силой даже небольших янычарских гарнизонов контролировать всю военно-политическую обстановку в ханстве [10]. Менгли-Гирай подчинился султану добровольно, на условиях, которые были оговорены им с Мухаммедом II. Возможно, здесь был заключен формальный договор о вассалитете Крыма, что отражалось в праве наследования престола [11]. В своей крымской форме этот ордынский кодекс предполагал избрание нового хана строго по старшинству. Обычно таким кандидатом становился не сын, а брат прежнего хана. Турки нередко выдвигали на этот пост кого-нибудь из ханских сыновей. Они постоянно держали у себя в Стамбуле одного или даже нескольких из них под предлогом получения образования и вообще воспитания при дворе наместника Аллаха [12].

Следует отметить, что крымчане не воспринимали внедрение законов шариата безропотно.

И если турки, понимая опасность национального единения татар в заморской провинции, всячески ему препятствовали, то татары с не меньшим упорством этому сопротивлялись. И даже если на бахчисарайском троне оказывался послушный Порте хан, безропотно обещавший ей любую поддержку, то взамен он просил разрешения сохранить освященный временем и традицией закон терэ, порядок выбора хана, калги и нуреддина. Каждый новый хан, прибывая от султана с атрибутами власти, ступал на крымскую землю в строго определенном месте, в Гезлеве, где уже в середине XV в. высилась соборная мечеть, занимавшая особое место среди мусульманских святынь [10].

Ханами предпринимались попытки укрепления трона, в связи с этим хан Менгли-Гирай учредил сан и должность калги – нововведение, не имеющее ничего общего с исламской идеологией и сохранившееся после его смерти. Теперь путь к вмешательству Стамбула в дела крымского престолонаследия был закрыт, так как хан сам мог назначить себе преемника. Однако при наследниках великого хана, как правило, уступавших ему в уме и дальновидности, институт преемничества стал использоваться с диаметрально противоположной целью. Султаны неоднократно назначали и калгу, и даже нуреддина по своей воле, отчего признавший этот выбор хан расписывался в отказе от собственной линии во внешней и внутренней политике – в противном случае его смещение Стамбулом становилось делом чистой техники [5].

Как видно, «избрание» хана беями стало теперь простой формальностью. Но и она была отменена чуть позже, в 1584 г., когда султану было достаточно прислать из-за моря одному из беев ханские аксессуары, а также указ, как правящий хан безропотно уступал место избраннику Порты и готовился в дальний путь. Чаще всего – на остров Родос, обычное место ссылки опальных вассалов султана [13].

Политика утверждения хана турками привела к тому, что у власти не было хана, пользующегося единодушной поддержкой татар и популярного среди крымчан. Ханы признавали верховенство султанов, давая им при вступлении на престол клятву сражаться в любой войне на стороне Турции. Султаны своевольно избирали на крымский престол послушных им ханов [14]. Хан был совершенно беззащитен – его охранял в мирное время лишь отряд янычар, пользовавшихся правами экстерриториальности. Бейская же оппозиция имела постоянную гвардию. У беев было даже традиционное место сбора для выступлений против ханов – Ак-Кая, близ Карасубазара [15].

Подобное положение ханов прекрасно понимали подданные, что подрывало авторитет и власть их ханов [16]. Более того, подобная ситуация эхом откликалась во всех без исключения сферах жизни крымчан, лишала их надежды на стабильность не только политическую, но и социально-экономическую. В итоге социально-экономический прогресс деформировался.

Наряду с рассмотренными работами ряда авторов о несамостоятельности Крымского ханства, находящегося под протекцией Османской империи, в решении внутренних и внешнеполитических вопросов, следует обратить внимание на научные исследования известных тюркологов-востоковедов. Большую ценность в вопросах внешней политики Крымского ханства и его взаимоотношений с Османской империей представляют труды В. А. Вишневого [17], С. В. Бахрушина [14], В. Д. Смирнова [5] и других, которые отмечают, что между Крымским ханством и Турецкой империей устанавливается система сложных двусторонних отношений. В разные исторические периоды они варьируются от протектората Стамбула над Бахчисараем через равные союзнические отношения до полной независимой политики Крыма [18].

В связи с этим, особого внимания заслуживает период правления талантливого государственного деятеля в истории Крымского ханства Менгли I Герая, заслугой которого стало использование турецкого фактора для усиления ханства и роста его международного авторитета. Вернувшись в Кырк-Ер, Менгли Герай постепенно упрочил свои позиции путем проведения активной внешней политики, направленной на борьбу с Большой Ордой для утверждения и укрепления Крымского ханства. Хан подчинил Буджакскую Орду, совершив несколько походов в Черкессию, а в 1480 г. заключил договор с московским князем Иваном III против хана Большой Орды Шах-Ахмеда и польского короля Казимира. В результате польско-турецкой войны, начавшейся в 1484 г., союзники захватили порт-крепость Килию в устье Дуная, а 4 августа в устье Днепра был взят Аккерман, что позволило Османской империи и Крымскому ханству овладеть всем черноморским побережьем от устья Дуная до устья Днепра. 28 июня 1502 г. Менгли I Гирай разгромил Большую Орду, взял часть улуса – людей и скот. Закончилась полувековая борьба между Крымским ханством и Большой ордой. За Крымским ханством закрепилась территория и население кочевий Орды между реками Днестром, Днепром и Доном, а также Тамань и Кабарда, что позволило Крымскому ханству стать полноправным субъектом международных отношений Восточной Европы [19].

В начале XVI века в Крыму произошли четыре важные перемены в его внешне- и внутри-политическом положении.

Во-первых, усиление позиции Турции в 1520 году положило начало проникновению в быт крымчан турецких обычаев. Особенно сильно сказалось это на дворцовых традициях.

Во-вторых, ослабление старых бейских и мурзинских родов, особенно заметное на примере Ширинов, открыло дорогу новым родам, в числе которых были и такие крупные, как Мангиты-Мансуры. С одной стороны, несколько уменьшается официальное влияние и остальных старых родов, но с другой – увеличивается их реальное значение во внутренней политике.

Далее, ослабление Крымского ханства в 1520-х годах открыло заперекопские степи, в междуречье Днепра и Дона, для ногайских орд. Их и ранее вытесняли со старых кочевий, от Волги, но усиление там русских, еще до установления Иваном Грозным в 1554 г. протектората над Астраханью, ускорило этот процесс. В Крым ногаи почти не проникли, но они сделали невозможным расселение крымчан за Перекопом – Крым «закрылся».

Другое дело, что часть степных татар, по-прежнему кочевая, достигала иногда Волги, Урала, Кубани и Дона, но при Сеадете и его преемнике Сагиб-Гирее происходит решительный переход к оседлости даже наиболее консервативной части уцелевших степняков Крыма, причем не без нажима сверху, со стороны ханов. Это и была четвертая из упомянутых метаморфоз начала XVI в.

Таким образом, специфика взаимоотношений Османской империи и Крымского ханства, сложившаяся в XV–XVII вв., заключалась в том, что, несмотря на то, что Крымское ханство находилось под протекцией Османской империи, оно было вполне самостоятельным государством и стремилось проводить свою независимую внутреннюю и внешнюю политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н. А. Смирнов. – М. : Наука, 1946. – Т. 1. – 456 с.
2. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы / И. Б. Греков. – М. : Наука, 1963. – 235 с.
3. Яacobсон А. Л. Средневековый Крым: очерки истории материальной культуры / А. Л. Яacobсон. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 137 с.
4. Катюшин Е. Феодосия, Каффа, Кефе / Е. Катюшин. – Феодосия, 1998. – 143 с.
5. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887. – 385 с.
6. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1987. – 208 с.
7. Ким Г. Ф. Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы / Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян // Государство в докапиталистических обществах Азии. – М. : Наука, 1987. – С. 9–10.
8. Никольский П. А. От Крымского ханства до наших дней / П. А. Никольский. – Симферополь, 1929. – 126 с.
9. Тунманн И. Э. Крымское ханство / И. Э. Тунманн. – Симферополь : Таврия, 1991. – 87 с.
10. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар / В. Е. Возгрин. – М. : Мысль, 1992. – 446 с.
11. Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар / Ф. Хартахай // Вестник Европы. – 1867. – № 2. – С. 160–161.
12. Лашков Ф. Ф. Несколько слов об исторической судьбе Крыма / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1881.
13. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы / В. Е. Сыроечковский // Ученые записки МГУ. – 1960. – Вып. 61. – С. 18–21.
14. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства / С. В. Бахрушин // История в школе. – 1936. – № 3. – С. 84–85.
15. Колли Л. П. Хаджи-Гирей и его политика. Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 120–121.
16. Санин О. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и её влияние на русско-крымские отношения / О. Г. Санин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1993. – Вып. 3. – С. 25–28.
17. Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве / В. А. Вишневский. – М. : Наука, 1930. – 286 с.
18. Эминов Р. Крымское ханство; проблемы изучения и опыт Российского востоковедения XIX – начала XX вв. / Р. Эминов // Qasevet. – 2009. – № 35. – С. 48–59.
19. Очерки истории и культуры крымских татар / под ред. Э. Чубарова. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – 208 с.